

точка – это часть церемонии знакомства. На переговорах визитку нередко кладут перед собой, чтобы не забыть или не перепутать при произнесении имя партнера. Если вы пришли без визиток, первое впечатление о вашей команде будет отрицательным, значит, вы не подготовились к встрече. Обмен визитными карточками происходит в самом начале встречи, чтобы японцы имели возможность выяснить свое положение в обществе относительно партнеров.

В одежде японцев очень ощутимы стремление к унификации, желание не выделяться, свойственные национальному характеру, а также традиции корпоративной «командной» этики, где все едины. Стиль костюма ивнешнего вида японском деловом мире весьма консервативен. При контакте с японскими бизнесменами костюм игалстук обязательны. Одежда должна быть чистой, особенно ботинки. В самой Японии 99% сотрудников компаний ходят на работу в черных лакированных ботинках. Однако, если чистая одежда на вас немного помята, в Японии это не вызовет осуждения – значит, вы «горите на работе»⁵⁷⁹.

Важной частью церемонии является вручение подарков. Для этого разработан целый этикет, нарушение которого для иностранца в принципе допустимо, но нежелательно.

Подарок следует принимать обеими руками. При разворачивании аккуратнее обращайтесь с упаковкой – ей придаётся чуть ли не большее значение, чем самому подарку. Любый подарок принимайте с одинаковым выражением глубокой признательности – что пустячок, что дорогую вещь. От иностранца не ожидают денежных даров. Лучше купить что-нибудь съедобное хорошего качества и в дорогом магазине.

Не стоит ходить в гости с цветами. Их дарят, как правило, больным или семье умершего. Красный цвет в упаковке недопустим, если вы идете в больницу или на похороны, оставьте его для более благоприятных случаев.

Неприлично дарить что-то партнёру сразу при знакомстве – лучше передать подарок при следующей встрече или при расставании. Наиболее приемлемы подарки в виде бутылки вина, дорогой авторучки, национальных продуктов вашей страны. Они должны быть упакованы таким образом, чтобы упаковка давала понять, что лежит внутри, но не отвлекала от ведения переговоров.

Подарками следует наделять всех членов переговоров, а лицам с высоким положением следует преподнести нечто более ценное, чем всем остальным⁵⁸⁰.

Таковы особенности японской культуры. Она очень сильно отличается от европейской и русской культуры. Прежде чем начать вести переговоры с японцами, необходимо познакомиться с их традициями и этикетом. Иначе сотрудничество может не состояться.

Половнева М.В.,
НИУ «БелГУ», г. Белгород

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ И КУЛЬТУРА ЕЕ ИСПОЛНЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЧЕРТ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА И.С. ТУРГЕНЕВА «ПЕВЦЫ»)

Проблема русского национального характера является одной из важнейших в отечественной литературе. К разгадке тайны славянской души не остался равнодушным и такой художник слова, как И.С. Тургенев. Стремясь передать чувства народа, его сокровенные мысли и чаяния, писатель обращался к народной лирической песне как к ярчайшему выражению сути русской души. На трактовке проблемы национального характера и способах ее

⁵⁷⁹ Особенности делового поведения в Японии. Режим доступа – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5584720/> page 7/ (дата обращения: 27.12.2016).

⁵⁸⁰ Деловое общение в Японии. Режим доступа – URL: <http://www.webkursovnik.ru/kartgotrab.asp?id=112218> (дата обращения: 27.12.2016).

художественного воплощения в рассказе И.С. Тургенева «Певцы» посредством обращения к народной лирической песне мы и останавливаемся в данной статье.

Ключевые слова: русский национальный характер, фольклор, народная лирическая песня, русская душа.

The problem of the Russian national character is one of the most important in domestic literature. To a solution of a mystery of Slavic soul there was indifferent also no such literary artist as I. S. Turgenev. Seeking to give feelings of the people, his intimate thoughts and expectations, the writer addressed the national lyrical song as to the brightest expression of an essence of the Russian soul. On an interpretation of a problem of national character and ways of its artistic realization in I. S. Turgenev's story «Singers» by means of the addressing the national lyrical song we also stop in this article.

Key words: Russian national character, folklore, national lyrical song, Russian soul.

*Песня – душа народа.
(народная мудрость)*

Н.В. Гоголь, старший современник И.С. Тургенева, в статье «Несколько слов о Пушкине» указывал на то, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа»⁵⁸¹. Самому великому писателю много постичь этот народный дух помогли песни, которые прекрасно исполняли его тетка Екатерина Ивановна Ходаревская и бабушка Татьяна Семеновна, познакомившая внука с казачьей песней и привившая ему любовь и интерес к народной музыке: «Песни были всякие – гульбывые, прощальные, походные. <...> Под гульбывые песни хотелось плясать, они так и заставляли кружиться, что-то выделывать ногами и руками – все тело отдавалось их задорным звукам, и легко, чисто делалось на душе. Походные звали в дорогу, манили в непостижимую умом даль, где скрывались, колыхаясь в высокой траве степи, козачьи шапки и цыпки. Но иным простором веяло на душу, когда запевала бабушка песню печальную, прощальную, оплакивающую... Песни пугали и манили, засасывала их сладкая печаль, их прилипчивая тоска, их необъяснимый зов»⁵⁸². Впоследствии, характеризуя малороссийские песни, Гоголь писал: «Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа»⁵⁸³. И тут же, ссылаясь на М. Максимовича, замечал, что «русская заунывная музыка выражает ... забвение жизни: она стремится уйти от нее и заглушить вседневные нужды и заботы»⁵⁸⁴.

Неслучайно, стремясь постичь специфику русского национального характера, И.С. Тургенев обращался к такому жанру устной словесности, как народная лирическая песня, которая для него и его современников была не только важнейшей частью народного творчества, но и ярчайшим выражением сути славянской души. Подтверждением сказанному является рассказ «Певцы», который, «будучи первым в русской литературе художественным изображением исполнения народных песен и искусства народных певцов, ... начал собою целую галерею подобных изображений в произведениях Левитова, Мамина-Сибиряка, Эртеля, Короленко, М. Горького» и др.⁵⁸⁵ При этом, как отмечает Марк Азадовский, «почти все авторы, писавшие о русской народной песне, считали характернейшей ее чертой мотивы грусти и уныния»,⁵⁸⁶ чаще всего усматривая в них чувствительность, смирение, покор-

⁵⁸¹ Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Н.В. Гоголь Собрание сочинений в 6т., Т. 6. Избранные статьи и письма. – М., 1959. – С. 34.

⁵⁸² Золотусский И.П. Гоголь. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1984. – С. 24.

⁵⁸³ Гоголь Н.В. О малороссийских песнях // Н.В. Гоголь Собрание сочинений в 6т., Т. 6. Избранные статьи и письма. – М., 1959. – С. 69.

⁵⁸⁴ Там же. – С. 76.

⁵⁸⁵ Тургенев И.С. Сочинения // И.С. Тургенев. Полное собр. соч. и писем: в 30т. Сочинения: в 12т., Т. 3. – М., 1979. – С. 491.

⁵⁸⁶ Азадовский М.К. Статьи о литературе и фольклоре. – М.-Л., 1960. – С. 433.

ность судьбе. Иную трактовку «русской грусти» народных песен дает В.Г. Белинский, по мнению которого, «...грусть русской души имеет особенный характер: русский человек не расплывается в грусти, не падает под ее томительным бременем, но упивается ее муками с полным сосредоточением всех духовных сил своих. Грусть у него не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселью, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой»⁵⁸⁷.

Яркой иллюстрацией мысли великого критика о противоречиях русского национального характера и является рассказ И.С. Тургенева «Певцы» (1850), в котором художник, стремясь передать чувства народа, его сокровенные переживания, строй души, изобразил песенное состязание Якова-Турка с «другим мастером». И первое, что обращает на себя внимание в облике «лучшего певца в околотке», то, что «все его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного». Сцена состязания певцов строится у Тургенева на приеме контраста. Прежде всего, контрастно изображение внешности вступивших в борьбу: «Посередине комнаты стоял Яшка-Турок, худой и стройный человек лет двадцати трех, одетый в долгополый нанковый кафтан голубого цвета. Он смотрел удалым фабричным малым и, казалось, не мог похвастаться отличным здоровьем. Его впалые щеки, большие беспокойные серые глаза, прямой нос с тонкими, подвижными ноздрями, белый покатый лоб с закинутыми назад светло-русые кудрями, крупные, но красивые, выразительные губы – все его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного. Он был в большом волнении: мигал глазами, неровно дышал, руки его дрожали, как в лихорадке, – да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая так знакома всем людям, говорящим или поющим перед собранием»⁵⁸⁸. Присущие герою впечатлительность и страстность отражены в описании его состояния, переданного автором обилием глаголов: «был в большом волнении», «мигал глазами, неровно дышал, руки его дрожали».

А вот портрет соперника Яшки, рядчика из Жиздры: «Это был невысокого роста плотный мужчина лет тридцати, рябой и курчавый, с тупым вздернутым носом, живыми карими глазами и жидкой бородкой. Он бойко поглядывал кругом, подсунув под себя руки, беспечно болтал и постукивал ногами, обутыми в щегольские сапоги с оторочкой. На нем был новый тонкий армяк из серого сукна с плисовым воротником, от которого резко отделялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокруг горла»⁵⁸⁹.

Интересно, что в облике Якова подчеркивается возвышенность, чувственность, впечатлительность («беспокойные серые глаза», «прямой нос с тонкими подвижными ноздрями»), «крупные, но красивые, выразительные губы»). Это артистическая, «нервная» натура. Не случайно его образ вызывает ассоциацию с тонкой, натянутой струной, готовой вот-вот лопнуть. А вот портрет рядчика, как нам кажется, нарочито снижен автором. Невысокий рост, плотное телосложение, «тупой вздернутый нос», «жидкая бородка» говорят о приземленности натуры. Бойкость, беспечность и щеголеватость рядчика противопоставлены благородной сдержанности Якова. Внутренняя сущность характера, ярко выраженная в деталях внешнего портрета, наиболее полно проявляется в манере исполнения двух певцов и, как следствие, – в реакции слушателей. Щеголеватость внешнего облика рядчика отзывается в его пении, чрезвычайно насыщенном техническими приемами, на которые указывает автор: «выступил вперед, закрыл до половины глаза», «он играл и вилял ...голосом, как юлою, беспреданно заливался и переливался сверху вниз и беспреданно возвращался к верхним нотам, которые выдерживал и вытягивал с особенным стараньем, умолкал и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой-то залихватской, заносистой удалью. ...Он, видимо, чувствовал, что имеет дело с людьми сведущими, и потому, как говорит, просто лез

⁵⁸⁷ Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии / В.Г. Белинский. Полн. собр. соч.: в 13 т. – М., 1954. – Т. 5. – С.442.

⁵⁸⁸ Тургенев И.С. Певцы // И.С. Тургенев. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12т., Т. 3. – М., 1979. – С.212-213.

⁵⁸⁹ Там же. – С. 213.

из кожи»⁵⁹⁰ Однако, примечательно, что, несмотря на все певческие ухищрения, рядчик долго не возбуждал «слишком сильного сочувствия в своих слушателях». И только получив поддержку «хора», он смог покорить публику, которая ответила ему «неистовым взрывом».

Среди этого всеобщего ликования обращают на себя внимание фигуры Дикого-Барина и Якова-Турка. Будучи не только страстным любителем пения, но и человеком, знающим в нем толк, «один Дикий-Барин не изменился в лице и по-прежнему не двигался с места; но взгляд его, устремленный на рядчика, несколько смягчился, хотя выражение губ оставалось презрительным»⁵⁹¹. Его реакция невольно акцентирует внимание на умении певца, на старательности исполнения, с одной стороны, и отсутствии в этом исполнении душевности – с другой. Но использованные рядчиком приемы все-таки не могли не подействовать на артистическую, живую, открытую натуру Якова, у которого «глаза так и разгорелись, как уголья, и он весь дрожал как лист и беспорядочно улыбался»⁵⁹². Это великолепная характеристика самого Якова-Турка. Перед нами «художник во всех смыслах этого слова», человек, лишенный зависти к «собратям по любимому делу», искренно радующийся и эмоционально участвующий в акте творчества. Возможно, это соучастие и не позволило ему сразу, с легкостью включиться в состязание. Человеку, только что пережившему эмоциональный взрыв, необходимо отстраниться от внешнего мира и от переполняющих его ощущений, чтобы настроиться на другой лад, подготовиться к новым переживаниям. «Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. ... Когда же, наконец, Яков открыл свое лицо – оно было бледно, как у мертвого: глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел ... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. ... За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвенев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым – третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песня. «Не одна во поле дороженька пролегла», – пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос... в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. ... Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль»⁵⁹³. И здесь нельзя не согласиться с точным замечанием В.А. Недзвецкого, который пишет, что «в своем пении... Яков последовательно переживает те же основные моменты творческого акта, что и величайшие, уточненной культуры артисты-художники: начальное «сомнение в себе» – эту «пытку творческого духа» (Н. Некрасов), потом «священный холод вдохновенья» (А. Пушкин), наконец, сопряженное с известной грустью огромное творческое удовлетворение от исполненной на уровне своего творческого идеала задачи»⁵⁹⁴.

Искреннее исполнение Якова вызвало эмоциональный отклик в душах слушателей, у которых «закипали на сердце и поднимались к глазам слезы». Вот как изображается реакция собравшихся в Притынном кабаке: «Николай Иванович потупился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шепотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого-Барина, из-под совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась

⁵⁹⁰ Там же. – С. 213.

⁵⁹¹ Там же. – С. 220.

⁵⁹² Там же.

⁵⁹³ Там же. – С. 221-222.

⁵⁹⁴ Недзвецкий В.А., Пустойт П.Г., Полтавец Е.Ю. И.С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов. «Отцы и дети». В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М., 1988. – С. 5.

тяжелая слеза; рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился... Никто не крикнул, даже не шевельнулся... Мы все стояли как оцепенелые. Рядчик тихо встал и подошел к Якову. «Ты ... твоя... ты выиграл», – произнес он наконец с трудом и бросился вон из комнаты»⁵⁹⁵.

И вновь, чтобы подчеркнуть контрасты, противоречивость и сложность русского национального характера, вслед за изображением молчаливого оцепенения многих и разных людей, объединенных страстным и трепетным исполнением Якова, автор рисует картину пьяного разгула. «Для Тургенева, не разделявшего свойственной славянофилам идеализации русской народной жизни в период крепостничества, сцена разгула была необходимой частью его замысла, художественным выражением трагической судьбы талантливого русского человека...»⁵⁹⁶ Подтверждение сказанному находим в письме И.С. Тургенева к К.С. Аксакову 16 (28) октября 1852 года: «Я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму там, где Вы находите успокоение и прибежище эпоса...»⁵⁹⁷

Этот трагизм жизни русского человека, объясняющий его неразвитость, пассивность, покорность и в то же время необузданную ярость, стихийное и бессмысленное буйство, иступленное веселье, безразличие к собственной жизни, подчеркнут в рассказе пейзажными зарисовками: «страшный овраг», зияющий как бездна; нестерпимый зной, висящий «над самой землей густым тяжелым слоем»; ощущение «чего-то безнадежного, придувленного в этом глубоком молчании обессиленной природы».

Об этом же свидетельствует и финал рассказа, где зов мальчика, кричащего с упорным и слезливым отчаянием, на первый взгляд, выглядит чужеродным явлением в общей структуре текста, а в действительности высвечивает авторскую позицию, удачно завершает созданную им картину, глубоко подчеркивает всю несурзность, ненормальность жизни, а порой и ее враждебность к человеку. В этой связи заслуживает внимания и тот факт, что Тургенев дал своему рассказу название «Притынный кабачок», которое, в отличие от предложенного Некрасовым заглавия «Певцы», точнее выражало авторский взгляд на особенности русского национального характера, те глубокие противоречия, которые скрыты в русской душе.

Также необходимо отметить, что «барельефность» (И.А. Гончаров) тургеневского рисунка позволяет в пестрой галерее представленных художником типов увидеть индивидуальность, разглядеть личность там, где, по словам В.А. Недзвецкого, она была «до конца нивелирована и попрана однообразием нищенского быта и бесправностью положения»,⁵⁹⁸ и в то же время из разрозненных судеб создать «единую «хоровую» судьбу народа» (Ю. Лебедев).

Полякова Л.А.,
НИУ «БелГУ», г. Белгород

ПРОБЛЕМА ЖАНРА В РОМАННОЙ ДИЛОГИИ О «ВИЛЬГЕЛЬМЕ МЕЙСТЕРЕ»

Статья посвящена рассмотрению проблемы жанра в романной дилогии «Вильгельме Мейстере». Содержится информация об отношении современников и литературоведов разных времен к дилогии, описывается полемика жанров в произведении.

Ключевые слова: роман, роман-странствие, жанр романная дилогия.

⁵⁹⁵ Тургенев И.С. Певцы. – С. 223.

⁵⁹⁶ Тургенев И.С. Сочинения // И.С. Тургенев. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т., Т. 3. – М., 1979. – С. 490.

⁵⁹⁷ Там же.

⁵⁹⁸ Недзвецкий В.А., Пустовойт П.Г., Полтавец Е.Ю. И.С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов. «Отцы и дети». В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М., 1988. – С. 13.